

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

— Как изменила меня смерть Саши?..

Молодая женщина, высокая эффектная брюнетка, на секунду задумалась.

— Лучше она меня не сделала. Она мне принесла большое горе на всю жизнь. Я не могу быть до конца спокойным, счастливым человеком, наслаждаться материнством.

Потому что никогда не смогу об этом забыть...

Актриса театра “Ленком” Инна Пиварс. 11 лет назад жизнь ее поделилась на “до” и “после”. “До” — до свадьбы с таким странным и загадочным, замечательным актером Александром Кайдановским. “После” — после его скоротечной смерти. Между “до” и “после” — лишь миг, всего три недели...

23 июля знаменитому Сталкеру, актеру Александру Кайдановскому, исполнилось бы 60. Рассказ Инны — о последних годах его жизни.

ЮРИЙ АНДРЕЕВ

Леонидовичу, а они знали его всю жизнь. На поминках вся эта компания сидела за нашим длинным столом и говорила о том, что, дескать, это нужно перевезти туда-то, это сюда... Зину надо отдать Асе (художница, одна из девушек Кайдановского. — Авт.), потому что это ее собака, Носферату — Патриции (канадка, еще одна его пасынка. — Авт.), потому что она принесла в дом котенка... А я сижу — живая, здесь. И меня никто не спрашивает, никто в упор не видит. Говорят: Инна тут ничего не знает, давайте спросим у Наташи (предыдущая жена актера. — Авт.), она покажет, где вилки лежат, где ножи... Помню, спросила тогда: а диван, например, где мне спать? Сказали: это тоже наследство, потому что на нем умер Кайдановский. И весь этот кошмар продолжался несколько часов... Не говоря уж о том, что сначала Сашу увезли в морг, а на следующий день вернули обратно в квартиру, потому что его подруга давняя, еще с Ростова, решила, что священник должен отпевать Сашу дома... В общем, закончилось тем, что на поминках я упала в обморок. Странно получилось: очнувшись, лежу на диване, накрыта пледом и ничего понять не могу: откуда столько людей?

— Где же теперь наследство Кайдановского?

— Кое-что здесь, что-то на даче. Какие-то вещи я раздала — меня попросили: буфет мой, секретер мой. Часть библиотеки отдала Наташиным детям, киноматериалы — на “Мосфильм”... А чего-то уже и нет. И началось все с поминки. Комнату заполнили несколько десятков человек, и когда вся эта масса слынула, оказалось, что каких-то предметов не хватает. Пропали бритва, ручка с золотым пером, прибор, которым Саша давление мерил, какие-то книжки стали на память растаскиваться... А когда я проконсультировалась с юристом и забрала вещи, Сашины друзья вызвали милицию, чтобы пресечь это “варварство и мародерство”. Потом начались звонки в театр: “Вы не знаете моральный облик вашей артистки. Не успело отпеть тело Кайдановского, как она вывезла все его вещи в неизвестном направлении”. Был еще иск о признании брака недействительным, они взяли доверенности от детей: от Зои, от Дашки — от всех... В общем, голову мне порядком закружили. Я была очень молодая девушка. Которая после всех этих передрыг стала больным, в общем-то, человеком...

— А вообще Кайдановский мечтал о собственной квартире или все в этой жизни его устраивало?

— Когда мы познакомились, у меня было ощущение, что ему ничего не нужно. То есть в той комнате был его мир: он к нему привык, о другом не думал. Какая-то магическая атмосфера: высокие потолки с лепниной, черные стены, которые были покрашены для съемок фильма, а потом Саша решил их такими и оставить. Вообще жизнь там была необычная. Все начиналось со звонка в дверь. Когда ты нажимал два раза, раздавался лай, выбегала собака Зина, потом появлялся Саша и следом, уже медленно, — кот Носик, Носферату. Все трое очень любили гостей...

— Жутковато, наверное, было в черной-черной комнате?

— Нет: огромные окна, эркер — на самом деле она очень светлая. Да и черные стены были почти не видны — все в картинах. Две из которых, кстати, были Сашины: одна — “Моя семья”, где он нарисовал себя, кошку и собаку. А вторая — “Женщина с лимонным деревом”, это уже меня изобразил.

— Если Кайдановского все устраивало, значит, новая квартира покупалась для молодой жены, то есть для вас?

— Не знаю, просто в какой-то момент я стала ему говорить: “Александр Леонидович, как же вы так живете? Такой великий человек...” (С Кайдановским Инна очень долго не могла перейти на “ты”). — Авт.) Понимаете, там коммуналка, стометровый коридор: он бегал без конца к телефону, потому что ждал важного звонка, спрашивали Васю, Петю, и он шел, стучался, звал Васю-Петю. Ванна, душ, туалет — все по очереди. Мне-то как раз было не привыкать: только окончила институт, пошла в общежитие на Трифоновской, потом переехала в общежитие “Ленкома”...

— Почему спрашиваю о квартире: читал, из комнаты на Воровского собирались сделать музей...

— Насколько мне известно, музея нет. — ...а потом не поделили наследство.

— Была некая группа людей, которые называли себя (а может, и являлись) друзьями Саши, и они, видимо, считали, что лучше знают, как надо распорядиться наследством. Сложно разобраться по всей этой истории, одно я поняла — им нужно было меня отстранить. Потому что я — никто, только что нарисовалась, мало знакома Александру

Юнона и Сталкер

резанные вены и прочие “подвиги” воспринимались мной как истории про совершенно другого человека... Правда, какая-то агрессивность была. Может, из-за проблем с нашей картиной? — он ведь так и не снял “Восхождение к Эрхарту”, отсюда три его инфаркта... Иногда срывался на меня за то, что разговариваю как-то некультурно, что речь у меня неправильная. Спросил однажды: “Есть ли у тебя сигарета?” Я ответила: “Лично у меня нет”. Из-за этого начался большой скандал, мне было сказано, что по-русски так не говорят... Еще раз, помню, ужасно меня обругал. На Пушкинской на нашу машину набросились какие-то нищие, таджики, наверное. Он мне сказал: “Достань все деньги и отдай им”. “Саша, — говорю, — я не могу отдать все, мне надо...” Как он рассвирепел: вышел из машины, побегал куда-то. Догнала его: “Саша, я, видно, чего-то не понимаю, извини меня”. “Если мусульманин дошел до такой степени, что просит милостыню, значит, это вообще конец! Ты понимаешь?!” — “Но они здешнее все время, этой такой бизнес...” Он меня просто возненавидел в тот момент.

— А говорите, все “истории” в прошлом...

— У него был такой характер, и мне он нравился. Он никому, видимо, не нравился, кроме меня. Потому что у меня самой характер такой же: искренний и открытый — что чувствую, то и говорю. Это сейчас я себя сдерживаю, очень даже сдерживаю. А тогда... Мама вообще мне однажды сказала, что с таким характером я замуж не выйду. Может, и мой характер кому-то не нравился,

Несмотря на потери, Инна катит по жизни дальше.

— “Доброжелатели” рассказывали вам о нелюбовности Кайдановского, о его агрессивности, о пьянстве? — Чего-то такое слышала, но все это, видимо, осталось в его молодости, во всяком случае, при мне никому морду он не бил. Так что истории про ночные посиделки в ресторанах, прыжки из окон,

например, тем, кто нас разводил. Я делилась личным с его друзьями, подругами. Но Саша как-то мне сказал: “Мои друзья — это мои друзья. Они будут всегда за меня, а не за тебя. Жалюсь им на меня, ты наживаешь себе врагов”. Я была маленькая: василечек такой, ну просто детский сад “Ромашка” — и эти слова тогда до меня не дошли.

“Он выгнал меня со словами: “Мне не надо семьи, жены, женщины...”

— Бывшие жены Кайдановского тоже как-то давали о себе знать?

— Да нет. С Маливиной они не общались. С Женей Симоновой тоже... Была одна женщина, с которой Александр Леонидович много-много лет назад встречался, потом они стали хорошими друзьями, и я чувствовала, что по-женски она ко мне не особо расположена. О нашей свадьбе эта женщина, Алла, узнала совершенно случайно. Жена Ханис, друг Саши, позвонил ей, спросил: что ты им подаришь на свадьбу? Та чуть не умерла: “На какую свадьбу?!” Потом раздался звонок, я слышала, что Саша долго с кем-то разговаривал. В комнату он вернулся бледный, зеленый. Оказывается, она говорила ему, что выбросится из окна, стала дочь какую-то приплетать: ладно, мол, я, но дочь в тебя влюблена, и ее ты тоже обманываешь. В общем, глупо ужасно...

— Говорили, что после Маливиной с Кайдановским могла ужиться разве что “серая мышка”, писк которой раздавался лишь по воле хозяина. Вам, молодой и горячей, тяжело было подстроиться под такого человека?

— Ну, подстроиться в каком плане? Чтобы его сохранить, чтобы он пожил подольше. Чтобы не было бурных реакций, потому что все плохо сказывалось на сердце. Я тогда слишком молодая была, чтобы это понимать. Может, в этом смысле ему нужна была другая женщина — не импульсивная, такая же, как и он, — а которая смолчит, уйдет. Естественно, он меня обижал, естественно, я реагировала. Однажды даже выгнал меня из дома...

— За что?

— Ни за что. Это было после второго инфаркта, когда я забрала его из больницы. Не хотел там оставаться ни в какую, звонил постоянно: приезжай, забирай меня отсюда. Врачи не разрешали: “Александр Леонидович, вам надо лечиться”.

“Моя семья”: Саша, Зина и Носферату.

Последняя жена Кайдановского:

В день смерти Саша сказал: “Родишь мне сына...”

“Какое лечится?! — говорит. — У меня сейчас вступительные экзамены на курсе, съемки фильма...” Дома он ходил по стенке, не мог распрямиться: его качало, тошнило, мучило. Чтобы выйти на улицу подышать, он мог собраться несколько часов. А в один момент сказал: “Уходи”. Все, говорит, собирай вещи, мне надо еще пожить, мне надо еще снять, я хочу только снимать, мне не надо семьи, жены, женщины... Я стала рыдать: “Я не могу без тебя жить”, в падучую кинулась. Но чем больше рыдалась, тем больше на тебя агрессия. В общем, из квартиры он меня выпер. Нет, не сам — сам бы он со мной не справился. Подъехал его бывший студент, отобрал у меня ключи... Где-то месяц или полтора я жила у друзей. В ужасном состоянии, почти до белой горячки там дошла. Это была даже не депрессия, это был конец жизни.

— А через месяц сам поманил пальчиком? — У нас тогда начинался театральный сезон, я была на гастролях в Питере, играла Канциту в “Юноне” и “Авос”. До этого звонила Саше, пыталась встретиться. Он жалел меня, но всегда говорил “нет”. А тут сама решила поставить точку. Подумала: если сделаю хоть один звонок, я просто сяду в поезд и поеду к нему. И тогда конец гастролем и конец моей работе в театре вообще. А работа — единственное, что у меня остается. Я ни разу не позвонила ему, отыграла все свои “Юноны”, вернулась в Москву. Приезжаю в общежитие, и сразу раздаются телефонный звонок. “Я хочу с тобой поговорить”. — “А я не хочу”. Знаю ведь, что потом уже себя не соберу: просто не смогу играть, не смогу репетировать... “Я всю ночь писал твой портрет, мне плохо, можно я приеду?”. Сердце не камень. Тем более, сказал, плохо себя чувствует. “Ладно, — говорю, — приезжай”. Саша приехал черным весь: у него было черное лицо, черные руки — как будто уголь грузил. Оказывается, углем он рисовал мой портрет... Приехал с паспортом. “Пойдем, — говорит, — жениться”. — “Как жениться?”. Просто знала: сейчас он меня обманет, ему что-то не понравится, и я просто сойду с ума, уже окончательно и бесповоротно. Долго сопротивлялась. Но потом он сказал: я сделаю из тебя актрису, я сделаю из тебя леди, мы будем вместе работать, я хочу снять еще много... Я и поверила...

“Саша собирался жить еще лет 20”

— Но тогда в зарсе я разревелась, сказала, что хочу выйти замуж как человек, в белом платье, а не так — с бухты-барахты... Свадьба была позде. Достаточно скромная, в маленьком ресторанчике с грузинской кухней. Мы никого особо не приглашали, были только самые близкие — кроме нас человек пять, не больше. Оператор Юра Клименко, который не смог приехать, помню, пошутил тогда: “Саша, я на следующую твою свадьбу приду...” Дома Саша очень смешно на меня смотрел, хитро так. “Ты моя жена?” — говорит. “Да, я твоя жена. А ты мой муж”. Мы выпивали, чокались кольцами обручальными, говорили о будущем. — И каким оно вам виделось, это будущее? — Ну как: мы купили квартиру, собирались в ней жить. Дачу арендовали на длительный срок. Думали заводить детей. Говорил: “Родишь мне сына”, у него же были одни дочки. Помню, сказала тогда: “Как же я сыграю главную роль в твоём фильме, если буду беременной?” Он игриво улыбнулся: “А вот выбирай, что важнее...” Ничего не успела выбрать. Саша как-то быстро не стало, как-то неожиданно быстро. Поженились мы 11 ноября, а через три недели... Утром в тот день даже о ребенке успели поговорить. Так по-дурацки получилось. Мы поссорились накануне. Потом помирились. А когда мирятся, говорят обычно: все будет хорошо, родишь мне сына... — Кайдановский каким-то образом чувствовал приближение конца? — Не думаю. Незадолго до смерти он мне сказал: “Я проживу еще лет 20, ну лет 10 хотя бы”. Впрочем... Он говорил, что и мама, и папа его умерли от сердца. И оба в 49 лет, и оба в начале декабря. И он боялся этой наследственности... Первый его инфаркт был без меня. Накануне сказала ему: “Саша, хочешь, я уйду?” Хотел и молодая была, уже понимала: в какие-то моменты он должен побыть один: чувствовала, что напряжение нарастает, ему надо поработать, поехала к себе в общежитие. А ночью мне позвонили, сказали, что с ним случился инфаркт. “Кошачий” инфаркт, как Саша потом его назвал. Убежал ночью кот, и Саша бегал по лестницам, искал его везде. А он всегда страшно переживал, что кот, не дай бог, выбежит из комнаты, все наши гости знали, что нельзя оставлять открытой дверь... Второй инфаркт случился с ним во ВГИКе — упал в обморок, принимая экзамен у сценаристов. А третий... Утром он попросил дать ему нитроглицерин. Один, другой, третий. Говорю: “Саша, может, “скорую” вызвать?” “Нет, сейчас пройдет...” И когда “скорая помощь” приехала, он вел себя совсем не как умирающий — он их гонял, орал на них: “Сделайте что-нибудь, мне больно!..”

“Вспоминать его каждый день”

— Вот вы спрашивали: как изменила меня его смерть... Честно говоря, я почувствовала себя тогда настоящей старухой. Не хочется говорить банальные вещи... Понимаете, Кайдановский — личность очень сильная. Лет пять мне даже в голову не приходило, что я могу связать еще с кем-то свою жизнь. Но дело в том, что Виктора Иванова, моего нынешнего мужа, я знала еще задолго до Александра Леонидовича. Тогда только закончила институт, в 91-м году у нас был красивый роман, влюбленность. Он каскадер, мечта его была связана с Голливудом, он поехал его покорять. Звал с собой, но я осталась. Я вышла замуж, Вита женился. А в 2000-м он вернулся. К тому времени он уже развелся, я — похоронила Сашу. Когда через год мы поженились, Вита исполнилось как раз 49. А к 50-летию я подарила ему сына...

— Муж нынешний как относится к вашему рассказам о муже предыдущем?

— Плохо. И это естественно, когда мужчины ревнуют своих дам к предыдущим мужьям. Наверное, все мужчины собственники.

— Поэтому в квартире нет памятных фотографий Кайдановского?

— Так стало совсем недавно. И связано это с рождением Максима. До того у нас была обстановка абсолютно прежняя, со старой мебелью: и Сашиной, и моей. А потом мы решили сделать ремонт, все-таки ребенок маленький. Вита устроил все в квартире по своему вкусу, ему нравятся белые стены, американский стиль. А старинная мебель почему-то не нравится.

— Получается, о Кайдановском в вашей жизни больше ничего не напоминает?

— Память заключается не только в чем-то материальном, хотя я уже сказала, что все его вещи, картины я сохраняю... Я вспоминаю Сашу. Знаете, тут я не боюсь реакции мужа, пусть он наберется храбрости и терпения, — я вспоминаю Сашу почти каждый день... Выходят книжки о Сахе, снимаются фильмы — меня никто нигде не приглашает. Недавно исполнилось 10 лет со дня смерти, и для меня была большая неожиданность — позвонила вдруг Зоя (дочь Кайдановского и Симоновой. — Авт.) на мобильный телефон. Я так обрадовалась, думала, она позвонила в связи с годовщиной, пообщаться хочет. И тут я слышу: “А как пройти к папиной могиле?” Я сразу стала ей говорить: ну там прямо, потом налево и на перекрестке под сосной... “Ну хорошо-хорошо, я перезвоню”. Больше не позвонила. Наверное, со мной не очень интересно общаться...

208

ДМИТРИЙ МЕЛЬМАН.